

ПРЕДИСЛОВИЕ

РУССКО-ЯПОНСКАЯ война 1904–1905 гг. стала прологом военных, политических и социальных потрясений, постигших Россию в XX веке. Минуло более ста лет, но и теперь события того времени не утратили своей значимости и продолжают вызывать живой интерес как в обществе, так и в научной среде. Этот период выявил системный кризис во внешней и внутренней политике, управлении, организации вооруженных сил, обозначил предел территориальной экспансии Российской империи.

События русско-японской войны описаны во многих исследованиях, в них достаточно подробно излагаются перемещения соединений, частей и подразделений, воссоздаются подробности отдельных боев, но чаще всего такие описания обезличены. Целью настоящей работы является составление полного биографического справочника по офицерам сухопутных вооруженных сил Российской империи, убитым, умершим от ран и пропавшим без вести в войне с Японией 1904–1905 гг. Для краткости эти категории безвозвратных офицерских потерь объединены в названии справочника термином «погибшие».

Согласно исследованию Г.Ф. Кривошеева¹, общая картина потерь российских вооруженных сил в русско-японской войне может быть представлена следующим образом:

Вид	Участвовало в боевых действиях	Погибло на поле боя (на море)	Умерло от ран	Умерло от болезней, скорпостижно	Всего погибло, умерло	Пленено	Интернировано
Сухопутные войска	539734	24970	6614	12983	44567	59218	–
Военный флот	34557	6511	Отнесены к погибшим на море		6511	15151	5628
Береговые подразделения флота	7667	1423	–	–	1423	–	–
Итого	581958	32904	6614	12983	52501	74369	5628

Из данных таблицы следует, что численность сухопутной армии, действовавшей против Японии, насчитывала 92,7% общего состава вооруженных сил, участвовавших

¹ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 2001. С. 58.

в боевых операциях. Потери сухопутных войск равнялись 84,9% от общего числа погибших и умерших в войне, боевые летальные потери (убитыми и умершими от ран) достигли 31584 человек или 5,9% всей численности армии и пограничной стражи.

В течение войны и после ее окончания учетом потерь личного состава военного ведомства ведал Особый отдел по сбору сведений об убитых и раненых в войне с Японией, созданный 5 марта 1904 г.² при Главном штабе Военного министерства. Довольно скоро выяснилось, что возложенная на Отдел задача оказалась значительно более сложной, чем предполагалось в начале войны³. Одной из проблем, вставших перед сотрудниками отдела, было соотнесение получаемых с театра военных действий сообщений о гибели или смерти офицера с имевшимися в Главном штабе сведениями о составе офицерского корпуса. Телеграммы и иные сообщения о потерях зачастую содержали недостаточную информацию об офицере (например, в них указывались только фамилия и чин убитого), в некоторых случаях эта информация искажалась, что затрудняло идентификацию погибших, определение, какой конкретно офицер был смертельно ранен или убит.

Мобилизация, развертывание резервных батальонов в полки, переформирование двухбатальонных Восточно-Сибирских стрелковых полков в трехбатальонные, формирование казачьих полков второй очереди, восполнение потерь – все это привело к массовым переводам и прикомандированием офицеров в незнакомые им части, множество офицеров были призваны из запаса или возвращены на службу из отставки. Нередко в воинских частях не было полноценных сведений о том или ином офицере. В качестве примера можно привести офицерский состав отряда полковника Генерального штаба Б.Ф. Запольского в бою 23 февраля 1905 г.: *«...Офицеры, которые успели прибыть в Мукден в то время⁴, когда вокруг уже кипел горячий бой, экстренно, без всяких предписаний и записи фамилий, назначались в маршевые батальоны, формировавшиеся с такою же поспешностью из прибывавших укомплектований. Наскоро сформированные батальоны были тотчас же введены в бой, и затем, потеряв начальника (полк[овника] Запольского), примкнули к различным отрядам и частям, вследствие чего почти до конца кампании не удалось выяснить с достаточной точностью, сколько офицеров было командировано в эти батальоны и сколько из них было убито, ранено и пропало без вести»⁵.*

² Все даты в настоящем издании приводятся по старому стилю.

³ Подробнее см.: Харитонов С.А., Чистяков О.В. Деятельность Особого отдела Главного штаба Военного министерства по сбору сведений об убитых, раненых и пропавших без вести в войну с Японией // Россия и АТР. 2014. № 1. С. 64–72.

⁴ К 22–23 февраля 1905 г.

⁵ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 7. С. 80.

Значительное число офицеров было назначено для формирования полков, развертываемых из резервных батальонов. Фактически находясь в этих полках, они еще не были переведены в них высочайшими приказами. Например, получив донесения о потерях в 215-м пехотном Бузулукском и 216-м пехотном Инсарском полках в бою 20 августа 1904 г. при Янтайских копях, в Главном штабе не смогли сразу определить офицеров этих полков, заявив, что о них *«следует возбудить переписку для выяснения их мест нахождения и в последующем, если выяснится, что они призваны из запаса, сообщить в X отделение. При этом XIII отделение присовокупляет, что для исключения из списков убитых и умерших от ран офицеров следует сообщать в это отделение только об офицерах действительной службы, о призванных из запаса по мобилизации – в X отделение»*⁶.

При идентификации погибших офицеров, призванных из запаса, возникали свои затруднения. В качестве примера можно привести высочайший приказ от 7 июля 1905 г.: *«Исключается из списков умершим от ран, полученных в сражении с японцами: призванный в 284-й пехотный Чембарский полк, состоящий в запасе армейской пехоты и на учете по Вологодскому уезду поручик Зубов»*⁷. При работе над настоящим справочником и исследовании документов об этом офицере выяснилось, что во время войны с Японией он был призван в 6-й Сибирский запасной батальон, служил в Омске на нестроевых должностях и остался жив⁸. Погиб же его полный тезка и однофамилец, состоявший в запасе по Санкт-Петербургскому уезду, определенный в службу в 284-й пехотный Чембарский полк высочайшим приказом от 25 июня 1904 г.⁹

Большая часть боевых столкновений заканчивалась отступлением русских войск, при этом участь оставшихся на поле боя, как правило, узнать было невозможно. В реляциях командиров воинских частей в этих случаях указывалось: *«остался на поле боя, неизвестно раненым или убитым»*. Иногда таких офицеров исключали из списков убитыми, порой впоследствии выяснялось, что они находятся в плену, и следовал высочайший приказ о зачислении их на службу. В целом же судьбы оставшихся на поле сражения оставались невыясненными вплоть до конца войны. Так, в докладной записке дежурного генерала Главного штаба А.З. Мышлаевского военному министру от 27 июня 1906 г. отмечалось: *«До окончания войны, а затем до возвращения из Японии наших пленных не представлялось возможным выяснить с достаточной очевидностью вопрос о том, находятся ли в живых и где именно те воинские чины, которых после сражения не оказалось ни налицо, ни в числе раненых или убитых. [...] Ныне за возвращением всех воинских чинов из плена явилась полная возможность установить, кто из числа показанных оставшимися на поле сражения на-*

⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 31445. Л. 47 об.–48.

⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 31445. Л. 215.

⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 31564. Л. 12–21.

⁹ Разведчик. 1904. № 717. С. 758.

ходится в живых, а кого из них надлежит считать «пропавшими без вести в войне» и исключить из списков воинских частей, причем в отношении офицерских чинов такое исключение должно быть совершаемо высочайшими приказами»¹⁰. И в начале августа 1906 г. соответствующие высочайшие приказы были отданы¹¹.

Примечательно, что сразу после этого обнаружили новые трудности. Уже 17 августа 1906 г. начальник Особого отдела генерал-майор П.А. Смородский докладывал начальнику Главного штаба: «С исключением из списков высочайшим приказом без вести пропавших в войну с Японией начали поступать в Главный штаб донесения о том, что исключенные не без вести пропали, а находятся налицо в той или другой части прикомандированными. [...] Такого рода недоразумения объясняются исключительно тем, что начальники отдельных частей не доносили своевременно о тех или других изменениях, произошедших в личном составе офицеров. Избежать указанных недоразумений циркулярным распоряжением в данное время не представляется возможным, так как исключение из списков высочайшим приказом большинства уже состоялось»¹².

Существенно важной являлась формулировка высочайшего приказа об исключении, поскольку обстоятельства смерти офицера влияли на размер пенсии его семье. Так, в докладной записке военному министру А.Ф. Редигеру от 10 марта 1906 г. генерал-майор А.З. Мышлаевский писал: «При составлении высочайшего приказа на 17 марта минувшего февраля вкралась ошибка, заключающаяся в том, что убитый в войну с Японией подполковник 214-го пехотного Мокшанского полка Власов при исключении его из списков показан в рубрике умерших, а не убитых, как следовало. Так как Александровский комитет о раненых, принимая под свое покровительство семейства погибших на войне, руководствуется исключительно высочайшими приказами, которыми названные лица были исключены из списков, то для семейства убитого подполковника Власова весьма важно, чтобы исключение его из списков значилось в рубрике убитых, без чего оно будет лишено этого покровительства. Вследствие сего является необходимость в перепечатании двух последних страниц высочайшего приказа 17 февраля с соответствующим исправлением в отношении исключения подполковника Власова из списков, на что и испрашивается разрешение вашего превосходительства»¹³.

Однако такие корректировки высочайших приказов случались не всегда. С нейтральной формулировкой «безвестно отсутствующими», а не «пропавшими без вести» были исключены из списков командир 10-го стрелкового полка полковник К.-В.А. Мисевич, погибший при отступлении от г. Мукдена, и подполковник Генерального штаба Н.Е. Пекута, убитый в ночь на 29 сентября 1904 г. при атаке на Восточный Тумынлинский перевал. «Умершими», а не «умершими от ран» исключены

¹⁰ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 31445. Л. 419–419 об.

¹¹ ВП от 1 августа 1906 г., от 10 и 11 августа 1906 г.

¹² РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 31445. Л. 414.

¹³ РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 31445. Л. 337.

капитан 4-го стрелкового полка В.И. Василенко и штабс-капитан 11-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Л.-В.А. Антоневиц. И напротив, умершие от болезней генерал-майор В.В. Разнатовский и штабс-капитан П.В. Янович (последний скончался до начала войны на сухопутном фронте) были исключены умершими от ран.

Приведенные выше примеры иллюстрируют, но не исчерпывают те сложности, с которыми столкнулся Особый отдел по сбору сведений об убитых и умерших от ран в войне с Японией, а впоследствии и составители настоящего справочника. Одной из них является установление общего числа убитых, умерших от ран и пропавших без вести офицеров.

В различных отчетах Особого отдела указывалась разная численность боевых летальных офицерских потерь: в одном – 1324 (890 – убитыми, 311 – умершими от ран и 123 – пропавшими без вести), в другом – 1350 (851 – убитыми, 274 – умершими от ран и 145 – пропавшими без вести). В дальнейшем выяснилось, что некоторые из числившихся погибшими или пропавшими без вести оказались живы.

В официальной истории войны указано, что в Маньчжурской армии (без Порт-Артурского гарнизона, Корейского отряда и воинских формирований, находившихся на о. Сахалин) погибло 678 и пропало без вести 422 офицера (всего – 1100)¹⁴, однако эта величина снабжена пространным пояснением¹⁵, из которого следует, что значения этих потерь в разных источниках варьируются.

По данным Главного военно-санитарного управления Военного министерства, в войне было убито 841, ранено и контужено 4228 офицеров¹⁶, но эта статистика не содержит сведений о числе умерших от ран среди общего числа раненых.

В 1907–1909 гг. «Военный сборник» опубликовал именные списки офицеров, убитых, умерших от ран и пропавших без вести в войне с Японией, снабженные краткими биографическими справками об образовании, офицерском стаже и обстоятельствах гибели¹⁷. Приведем две типичные справки «Военного сборника», выбранные из всего массива сведений случайным образом:

«Горячев Николай Дмитриевич. Подполковник, командир 5-й батареи 31-й артиллерийской бригады, образование получил в Полтавской военной гимназии и в Павловском военном училище, офицером с 16 апреля 1877 года, убит в сражении 17–18 февраля 1905 года у Мукдена, исключен высоч[айшим] приказом 27 мая 1905 года».

¹⁴ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 7. Ч. 1. С. 292.

¹⁵ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 7. Ч. 1. Примечания. Прим. 444.

¹⁶ Война с Японией 1904–1905 гг. Санитарно-статистический очерк. Пг., 1914. С. 64.

¹⁷ Военный сборник. 1907. № 8. С. 261–186; № 9. С. 275–288; № 11. С. 291–304; № 12. С. 275–286; 1908. № 1. С. 256–270; № 2. С. 269–280; № 3. С. 280–286; № 4. С. 253–278; № 8. С. 227–230; № 9. С. 257–262; № 10. С. 265–282; 1909. № 4. С. 291–292.

«Скорodelов Александр Константинович. Поручик 11-го пехотного сибирского Семипалатинского полка, образование получил в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе и в Павловском военном училище, офицером с 12 августа 1896 года, убит в сражении с 29 сентября по 6 октября между Мукденом и Ляояном, исключен высоч[айшим] приказом 15 февраля 1905 года».

Информация в справках довольно скудна и не дает представления не только о биографии офицера, но и о дате и обстоятельствах его гибели, во втором случае период с 29 сентября по 6 октября 1904 охватывает все осенние бои в сражении на р. Шахэ.

Списки «Военного сборника», по-видимому, готовились по материалам высочайших приказов об исключении того или иного офицера, иногда без учета корректировок ошибочных исключений. Так, поручик 9-й артиллерийской бригады Густав Иванович Ладзинский действительно был исключен 11 июня 1905 г., однако высочайшим приказом от 3 сентября 1905 г. снова зачислен на службу в ту же бригаду, и, как следует из его послужного списка, составленного в 1908 г.¹⁸, был тяжело ранен, пленен и 14 ноября 1907 г. уволен в запас. Однако Г.И. Ладзинский попал в списки «Военного сборника»¹⁹, поскольку их составители не выявили приказа о его зачислении на службу.

Для иллюстрации проблем идентификации офицеров можно подробно рассказать об одной из задач, которые приходилось решать при составлении настоящего справочника. В «Военном сборнике» содержится следующая запись:

«Барсов. Прапорщик запаса 36-го пехотного генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского полка, убит в сражении на Шахэ, исключен высоч[айшим] приказом 21 февраля 1905 года»²⁰.

Здесь не приводится практически никаких сведений об офицере, более того, отсутствует часть сведений из высочайшего приказа, в котором указано, что прапорщик Барсов состоял на учете по Владикавказскому уезду²¹, что позволило бы локализовать поиск. Существует публикация, в которой погибший прапорщик Барсов ошибочно назван Дмитрием Алексеевичем²², однако указанный прапорщик запаса умер еще до начала русско-японской войны²³, а остальные выявленные прапорщички с этой фамилией, согласно адрес-календарям губерний, были живы после ее окончания. В истории 36-го пехотного Орловского полка описывается бой 10-й роты, в котором «не уцелел

¹⁸ РГВИА. Ф. 409. Оп. 2. Д. 8536. П/с 277–151.

¹⁹ Военный сборник. 1907. № 12. С. 278.

²⁰ Военный сборник. 1907. № 8. С. 267.

²¹ Разведчик. 1905. № 750. С. 212.

²² Никольский Б. Нижегородцы в русско-японской войне 1904–1905 гг. Нижегородская старина. Н. Новгород, 2002. № 3–4. С. 34.

²³ «3 сего января [1901 г.] состоящий в запасе армейской пехоты по Нижегородскому уезду прапорщик Дмитрий Алексеевич Барсов выстрелом из револьвера лишил себя жизни». РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 12868. Л. 34–38; Ф. 400. Оп. 9. Д. 29421. Л. 84–85.

ни один человек», включая прапорщика Барсова (см. биографическую статью о подпоручике Е.П. Гумберте в настоящем издании). По-видимому, это преувеличение, и часть роты попала в плен ранеными. Проведенные поиски показали, что скорее всего речь идет об одном из двух прапорщиков запаса, до войны живших на Кавказе: Николае Ивановиче либо Льве Алексеевиче Барсовых. Николай Иванович в 1903 г. состоял на учете по Владикавказскому уезду, однако в «Кавказских календарях» 1904–1905 гг. указан по месту своей гражданской службы. Лев Алексеевич, хотя и состоял на учете по Тифлисскому уезду в 1903 г., в календаре 1905 г. не значится и вновь появляется на Кавказе в 1906 г., что позволяет предположить, что во время русско-японской войны он был призван в действующую армию. Во всяком случае, гибель прапорщика 36-го пехотного Орловского полка Барсова вызывает сильные сомнения.

Кроме того, в списках «Военного сборника» нередко встречаются искажения в именах и датах. Так, подполковник Генерального штаба Алексей Федорович Богданов назван Александром, подпоручик Евгений Лаврентьевич Гипп – именем своего брата Андрея, полковник Георгий Васильевич Панпушко – Александром Петровичем и т.п. Подобные ошибки, выявленные в процессе работы над настоящим изданием, отмечены в соответствующих биографических статьях.

Публикация списков «Военного сборника» завершилась в апреле 1909 г., однако проведенный составителями настоящего издания анализ высочайших приказов показал, что и позднее продолжалось исключение из списков офицеров, убитых, умерших от ран или пропавших без вести «в минувшую войну». Кроме того, в материалы «Военного сборника» не были включены офицеры Заамурского округа пограничной стражи, поскольку формально они не входили в состав военного ведомства. Однако пограничники-заамурцы участвовали в боях наравне с войсками, а потому биографические статьи о них включены в настоящий справочник.

В общей сложности в списках «Военного сборника» приведены 1082 справки об убитых, умерших от ран и пропавших без вести офицерах, при этом сведения о подполковнике Н.М. Михайлове представлены дважды²⁴ и, как отмечалось выше, ошибочно включены Г.И. Ладзинский и прапорщик Барсов, следовательно, всего «Военный сборник» опубликовал краткие и иногда неверные сведения о 1079 офицерах, у 44 из которых не указаны отчества, а у 25 – и имена. Настоящий справочник содержит существенно более полную информацию о 1126 офицерах, то есть на 47 персон больше.

Находящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) документы Особого отдела по сбору сведений об убитых, раненых и пропавших без вести в войну с Японией хранятся в фонде 400 (Главный штаб Военного министерства)²⁵ и представляют собой комплекс материалов, по большей части си-

²⁴ Военный сборник. 1908. № 1. С. 263; 1908. № 8. С. 229.

²⁵ РГВИА. Ф. 400. Оп. 32.

стематизированных в дела отдельных полков, где накапливались сведения о потерях конкретной воинской части. Кроме того, в делах Отдела находятся сводные алфавитные списки потерь офицеров (содержащие, как показало исследование, значительное количество ошибок и неточностей), телеграммы из действующей армии и донесения командиров частей и соединений, которые часто позволяют конкретизировать обстоятельства гибели и ранения офицеров, но, как правило, из этих документов нельзя получить полноценную биографическую информацию.

Наиболее информативным документом о военной карьере офицера является послужной список. Он содержит сведения о дате рождения, происхождении, образовании, семейном положении с указанием происхождения, имени и фамилии жены до брака, имена и даты рождения детей, подробно излагает служебную карьеру офицера: его чины, должности, переводы в другие воинские части, награждения и взыскания, участие в боевых действиях и прочую служебную информацию. Для работы над настоящим справочником наибольший интерес представляли послужные списки погибших офицеров, составленные после их смерти. Такие документы в первую очередь предназначались для исчисления пенсии семье погибшего, но важно, что они содержали записи о дате и месте смерти офицера. Указанные послужные списки хранятся в фондах 400 и 409 (Послужные списки, аттестации и наградные листы офицеров), однако они были выявлены примерно для 30% всего количества погибших офицеров.

В документах фонда 409 обнаружены послужные списки значительного числа офицеров, включенных в настоящий справочник, составленные несколькими годами ранее начала войны с Японией (в основном на 1895 и 1900 гг. – за эти годы сохранились сводные тома послужных списков, составленные целиком по полкам или дивизиям). Эти документы давали представление о биографии офицера, но требовали дальнейших изысканий о его судьбе вплоть до момента гибели. Подобного рода поиск велся по высочайшим приказам о производстве в следующие чины, переводах в другие части и награждениях орденами.

Биографические сведения о прапорщиках запаса по большей части выявлялись по документам фонда 400, так называемым «выпискам из алфавита» – аналогам послужных списков, составлявшимся на вольноопределяющегося, допущенного к экзамену на чин прапорщика запаса после прохождения военной службы нижним чином.

Однако послужные списки многих младших обер-офицеров, которые были произведены в подпоручики незадолго до русско-японской войны, выявить не удалось. В таких случаях использовались документы фонда 400 (Оп. 9), где сосредоточены материалы о производстве офицеров в следующие чины. Подобные документы представляют собой «Списки по старшинству в чинах штаб- и обер-офицерам и классным чиновникам» полков (отдельных батальонов) той или иной дивизии (бригады) и содержат биографическую и служебную информацию о каждом из офицеров. Эти сведения несколько более скудны, чем в послужных списках, однако позволя-

ют определить дату и место (с точностью до губернии) рождения, общее и военное образование, даты производства и старшинство в чинах за весь предшествующий срок военной службы, участие в военных кампаниях, должность в полку и принадлежность к той или иной роте, награды (с точностью до года), семейное положение, для семейных офицеров – имя и отчество жены, число детей. Характерной особенностью подобных документов является наличие аттестаций обер-офицеров командиром полка по трем позициям: нравственные качества, служебные качества и подготовленность к командованию ротой (эскадроном), общее заключение о качествах офицера по градациям от неудовлетворительного до выдающегося. Зачастую подобные аттестации довольно формальны и, по-видимому, не лишены субъективности, но в ряде случаев развернуты и дают представление о личности офицера, несколько оживляют психологический портрет: *«Характера живого, увлекающийся и беспечный человек. Служит усердно, лихой офицер и любит солдат, но командовать ротой не подготовлен, хотя и способен»* или *«Нелюдим, скрытного, замкнутого характера, изредка злоупотребляет спиртными напитками. Хороший строевой офицер и знает хозяйство. Общее заключение о качествах: хороший»*.

Трудность поиска заключались еще и в том, что весьма часто офицеры до 1904–1905 гг. служили не в тех полках, в которых воевали и погибли, поэтому требовалось проследить переводы их в действующую армию по высочайшим приказам. Для каждого такого случая была определена воинская часть, в которой интересующий составитель офицер служил в 1902–1903 гг., выявлены списки по старшинству этой части, и найденная информация ложилась в основу биографической статьи.

Существенные трудности возникли с поиском информации о погибших, произведенных в первый офицерский чин в 1904–1905 гг. (48 подпоручиков, 1 корнет). В ряде случаев не удавалось найти биографические сведения о них в списках по старшинству тех частей, где они служили. Юный подпоручик мог погибнуть вскоре после приезда в полк и не оставить следа в списках полка по старшинству, во всяком случае – в делах о производстве в следующий чин. Вот как командир 11-го пехотного Псковского полка полковник М.В. Грулев описывал смерть подпоручика А.И. Ульяновского: *«Во главе всех, первой жертвой, пал юный офицер подпоручик Ульяновский, только что выпущенный из военного училища, за неделю–две перед тем прибывший в полк»*. В подобных случаях приходилось исследовать документы военно-учебных заведений, иногда для выяснения даты рождения и происхождения использовались послужные списки отцов погибших офицеров, т.е. проводился поиск документов о человеке с той же фамилией и именем, соответствующим отчеству погибшего, выявлялось, имел ли он сына с именем, аналогичным имени погибшего, и подходящего возраста. Следует признать, что такого рода поиск возможен лишь для носителей сравнительно редких фамилий и таит вероятность совпадений, однако составители сочли возможным использовать такой метод, указывая на его применение в примечаниях к соответствующим биографическим статьям.

Поиск информации об офицерах артиллерии, инженерных и казачьих войск осуществлялся по аналогичным документам, сосредоточенным в фондах соответствующих Главных управлений Военного министерства: артиллерийского, военнотехнического (на период русско-японской войны носившего название инженерного), казачьих войск.

Весьма важным источником являлись материалы метрических книг церковью военного и морского духовенства, сосредоточенные в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128). Для проведения исследования использовались электронные копии (образы) этих документов, доступ к которым осуществляется через портал «Архивы Санкт-Петербурга» в разделе «Информационные ресурсы»²⁶ (в биографической справке приводится ссылка на документ в соответствии с размещенным на портале научно-справочным аппаратом). Исследование этих материалов позволило установить даты и места захоронения множества офицеров, что дало возможность конкретизировать и обстоятельства их гибели. Нередко в документах Особого отдела Главного штаба по сбору сведений об убитых и раненых, составленных по телеграммам из действующей армии, приводятся довольно размытые временные диапазоны и слишком общая локализация места гибели («*убит в сражении 28 сентября–6 октября 1904 года при р. Шахэ*»). Запись же в метрической книге состоит из дат смерти и захоронения, чина и имени погребенного, причины смерти, места погребения. Иногда существовали расхождения между записями в метрических книгах и документах военного ведомства. В таких случаях применялся следующий принцип. Единственной несомненно достоверной датой в записи метрической книги является дата захоронения. Человек не мог погибнуть позднее этой даты, однако смерть его могла наступить несколькими днями ранее. Такое случалось, например, в Порт-Артуре, где тела погибших собирались не ежедневно. Поэтому дата смерти, записанная священником, может быть неточна, и если в иных источниках имеется указание на смерть офицера ранее даты, указанной в метрической книге, то документы не противоречат друг другу, если же позднее даты погребения – то это свидетельство явной ошибки.

Кроме того, изучение метрических книг церковью военного духовенства за годы, предшествующие войне с Японией, позволило во многих случаях уточнить даты вступления в брак и рождения детей, девичьи фамилии и происхождение жен погибших офицеров. При наличии расхождений в датах рождения детей по материалам послужных списков и метрических книг предпочтение отдавалось метрическим книгам.

Некоторое число погибших в русско-японской войне офицеров обучались в Императорском Санкт-Петербургском университете. Для выяснения подробностей их биографий использовались личные дела студентов, ныне хранящиеся в ЦГИА СПб (Ф. 14).

²⁶ https://spbarchives.ru/web/group/information_resources/-/archivestore/funds/2 (Дата обращения 27.12.2017).

В отдельных случаях были задействованы материалы Российского государственного исторического архива, Национального архива республики Татарстан, Российского государственного архива Военно-Морского Флота; для составления биографической статьи о французском лейтенанте-добровольце Мари-Пьере-Огюсте Бюртене было изучено его досье в архиве Исторической службы Министерства обороны Франции в г. Венсанн (Service historique de la Défense, cite de Vincennes).

Таким образом, настоящий справочник может выполнять функцию межархивного аннотированного указателя документов, относящихся к офицерам, погибшим в русско-японской войне.

Для описания обстоятельств гибели исследовались архивные и литературные источники: журналы военных действий, репортажи о боях, свидетельства сослуживцев погибшего офицера, эпизоды описанные в книгах, изданных участниками событий, периодические издания 1904–1905 гг. и т.п. В случае, если удавалось найти развернутую картину последнего боя офицера с указанием его конкретного участия, в биографической статье приводится цитата либо ссылка на описание боя с указанием источника информации. Список использованных источников приведен в конце книги.

При разработке концепции справочника составители предполагали, что он может быть интересен следующим категориям читателей:

- исследователям, занимающимся изучением российской военной истории и истории русско-японской войны, в частности истории отдельных воинских частей и формирований;
- краеведам;
- генеалогам.

Исходя из этих посылок, была разработана следующая структура биографической статьи:

- портрет (из периодических и продолжающихся изданий 1904–1905 гг., мемуарной и исследовательской литературы, посвященной войне с Японией, материалов личных коллекций, документов архивов; если портрет выявлен в документах РГВИА, приводится ссылка на соответствующее дело);
- происхождение (дата и место рождения, сведения о родителях, сословие и вероисповедание);
- образование (общее и военное, при этом для окончивших юнкерские училища указан год окончания училища, поскольку выпускники таких училищ производились в подпрапорщики, и дата производства в первый офицерский чин не совпадает с датой окончания училища; для выпускников военных училищ год окончания училища не приводится – он совпадает с датой производства в офицеры);
- чины (даты производства и старшинство в чине);

- служба до русско-японской войны (воинские части, в которых служил офицер, с точностью до года; пребывание в запасе или отставке; гражданская служба; особые обстоятельства: взыскания, поощрения и т.п.);
- награды (даты награждения российскими орденами, Знаками отличия Военного ордена, Золотым оружием, медалями за особые отличия, например, «За спасение погибавших»; иностранные награды и юбилейные медали в справку не включены);
- семейное положение (сведения о жене, ее происхождении, имена и даты жизни детей – при наличии этих сведений в документах);
- служба в период русско-японской войны, дата и обстоятельства гибели, дата и место захоронения, дата исключения из списков;
- цитаты из документов, характеризующие личность офицера и обстоятельства его гибели;
- ссылки на выявленные архивные и литературные источники информации.

Следует отметить некоторые особенности отдельных статей:

1) Чин офицера, указанный в заголовке биографической статьи, может не соответствовать чину, в котором офицер был исключен из списков. Между смертью офицера и высочайшим приказом о его исключении проходило некоторое время. Случалось, что очередной чин присваивался уже умершему, но пока не исключенному из списков офицеру (за выслугу лет или боевые отличия). По материалам справочника, таких офицеров 42, производство их после смерти указано в соответствующих биографических статьях с формулировкой: «Исключен из списков в чине...». Для проведения статистического анализа офицерских потерь составители считали необходимым учитывать тот чин офицера, в котором он погиб. Например, в списках «Военного сборника» указана смерть десяти генерал-майоров, а в настоящем справочнике – лишь пяти, поскольку, генерал-майор В.В. Разнатовский не получал ранений, он умер от водянки, полковники В.И. Геништа, М.К. Криштопенко и Н.Я. Озерский генералами стали уже после смерти, К.И. Кондрацкий, исключенный из списков в чине полковника, в «Военном сборнике» назван генерал-майором. Подобные корректировки проведены по всем чинам.

2) Структура послужных списков офицеров такова, что в графу о происхождении заносился чин отца на момент поступления молодого человека в кадетский корпус или военную службу. Эта запись не менялась в последующих документах, даже если отец достигал и более высоких чинов. Однако иногда в справочнике сведения о родителях получены из иных источников (метрических книг, памятных книг губерний и т.п.). В этом случае приводится тот чин отца, который известен из соответствующего документа.

3) Составители не ставили перед собой задач генеалогического исследования, но придерживались принципа: если в процессе поиска необходимой для биографи-

ческой статьи информации выявлялись сведения, могущие представлять интерес для изучения родословной офицера, они заносились в соответствующую статью.

НЕКОТОРЫЕ СТАТИСТИЧЕСКИЕ ИТОГИ

По приблизительному подсчету, в войсках, непосредственно действовавших против Японии, за весь период войны находилось 10721 офицерских чинов, включая врачей и военных чиновников²⁷, то есть всего в войне участвовало не более 10 тысяч строевых офицеров. Настоящий справочник приводит сведения о 1126 офицерах, погибших в войне. Таким образом, можно оценить летальные боевые потери офицерского корпуса в 11,2% его состава. Общие потери убитыми и умершими от ран в целом по сухопутным войскам оцениваются в 5,9% совокупного количества, принимавшего участие в боевых действиях, следовательно, можно считать, что доля боевых потерь офицеров была примерно вдвое выше, чем среди нижних чинов.

Приведенная в справочнике информация позволяет не только получить сведения о конкретном офицере, но и провести анализ, который дает представление о структуре офицерского корпуса.

Происхождение

С получением первого чина (подпоручика, корнета, хорунжего) офицер пользовался правами личного дворянства, вне зависимости от его происхождения. Однако совокупность собранного материала позволяет представить долю участия разных сословий в формировании офицерского корпуса.

Распределение погибших офицеров по происхождению:

²⁷ Война с Японией 1904–1905 гг. Санитарно-статистический очерк. Пг., 1914. С. 303.

40,8% офицеров, погибших в войне с Японией, происходили из дворянского сословия, из них 5 князей (А.Д. Вахвахов, В.Г. Макаев, Ф.С. Масальский, И.И. Мачабели, М.Э. Эльдаров), 3 графа (Л.П. Беннигсен, Ф.Э. Келлер, А.А. Нирод), 4 барона (Г.А. фон Гейкинг, А.К. фон Медем, И.Р. Мирбах, Ю.В. Шеппинг). 20,8% были так называемыми обер-офицерскими детьми. Эта сословная группа включала в себя детей офицеров и классных чиновников, не имеющих права на потомственное дворянство. Следует оговорить, что при делопроизводстве не всегда точно указывалось сословие. Например, иногда офицер именуется сыном полковника или действительного статского советника, которые имели право на потомственное дворянство, но дворянское происхождение их сыновей не указано, поэтому доля дворян по происхождению в приведенном распределении может оказаться несколько выше, а доля обер-офицерских детей – ниже. 11,6% офицеров происходили из мещан (к ним же отнесены и так называемые «цеховые» – мастеровые, причисленные к тому или иному виду ремесла), 6,8% – из духовного сословия (сыновья священников, дьяконов, псаломщиков), 5,1% были крестьянского происхождения, остальные сословные группы представлены в долях менее 5%.

ВЕРОИСПОВЕДАНИЕ

937 (83,2%) погибших офицеров были православными, 88 (7,8%) – католиками, 47 (4,2%) – лютеранами, 10 (0,9%) – мусульманами. Представители иных конфессий встречаются единично: шестеро принадлежали к армяно-григорианской церкви, трое были старообрядцами или единоверцами, двое – кальвинистами, один имел караимское вероисповедание. Для 32 офицеров не удалось документально установить конфессию, к которой они принадлежали, однако, судя по фамилиям и именам этих офицеров, распределение их можно считать пропорциональным приведенному выше.

СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Поскольку у значительной части офицеров семейный статус определен не на момент его смерти, а несколькими годами ранее, достоверно говорить о распределении погибших по семейному положению нельзя. Оценочно можно считать, что около половины офицеров были холостяками, т.к. большая часть потерь пришла на младших обер-офицеров.

Причины исключения из списков

В общее число потерь включены офицеры погибшие не только в боях против японцев, но и в стычках с хунхузами, поскольку нередко шайки китайских разбойников действовали совместно с японцами (см., например, биографическую статью о штабс-ротмистре Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи М.М. Колесникове). Всего в стычках с хунхузами погибло 10 офицеров.

К летальным офицерским потерям в войне с Японией были отнесены «убитые», «умершие от ран» и «пропавшие без вести». Иногда формулировки причин исключения из списков в высочайших приказах не совпадали с реальными обстоятельствами гибели офицера. В первую очередь это касается категорий «убитые» и «умершие от ран». Строго говоря, любой человек, убитый огнестрельным или холодным оружием, умирает от полученной раны. Различие в формулировке сводится к тому, насколько быстро это происходит: если смерть наступила мгновенно, или же человек был обнаружен мертвым, его считали убитым, если же после получения раны он был жив некоторое время – умершим от ран. При анализе документов иногда выявляются расхождения между формулировкой приказа об исключении и известными обстоятельствами смерти офицера. Например, генерал-майор Л.В. Мартсон исключен из списков убитым²⁸, хотя смертельно ранен он был 15 августа, а скончался 20 августа 1904 г. Формулировки высочайших приказов зависели от донесений командиров полков и подготовки приказов Главным штабом, они иногда не согласуются со свидетельствами очевидцев или записями о погребении. Составители придерживались принципа: если в каком-либо документе указывается смерть от ран или дата его смерти существенно отстоит от даты получения смертельного ранения, то офицер относится к этой категории.

Напомним, что по данным Главного военно-санитарного управления потери офицеров убитыми составили 841 человек. Статистика, составленная по материалам настоящего справочника с учетом выявленных документов, несколько иная: из общего количества 1126 человек убитые составляют 725, умершие от ран – 286, пропавшие без вести – 115 офицеров.

Род оружия

Подавляющее большинство (85,8%) погибших в войне офицеров относились к пехоте (пехотные и стрелковые полки, а также офицеры нестроевых должностей, числящиеся по этому роду оружия), 5,8% – были артиллеристами, 3,5% – представителями казачьих и иррегулярных частей. Офицеры других родов оружия представлены в относительном количестве, не превышающем 1,5%.

Следует отметить, что в этом распределении числящиеся в списках Генерального штаба полковники А.Н. Васильев и Е.Н. Науменко отнесены к пехотным офицерам, поскольку к моменту гибели командовали полками, погибший в Цусимском морском сражении штабс-ротмистр граф А.П. Беннигсен – к кавалерии, офицеры Забайкальских казачьих батарей – к казачьим войскам, а не артиллерии. Номинальная принадлежность к казачьим частям далеко не всегда свидетельствует о сословии офицера – немало их число было переведено в казачьи и конные полки из кавалерии, включая лейб-гвардию.

²⁸ ВП от 22 сентября 1904 г.

Распределение погибших офицеров по роду оружия:

Распределение во многом обусловлено количественным соотношением родов войск, сосредоточенных на театре военных действий и принимавших участие в боевых столкновениях. В связи со спецификой войны основная тяжесть ведения боев легла на плечи пехоты при содействии артиллерии, регулярная кавалерия присутствовала на театре в гораздо меньшем относительном числе, чем казахи и иррегулярная. Кроме того, конница использовались в большей степени для разведки, охранения и производства набегов, чем для участия в полевых сражениях.

Военные чины

В представленной диаграмме объединены чины, относящиеся к одному классу Табели о рангах. Учитывался чин, в котором наступила смерть офицера, и не учитывалось его производство в следующий чин, если оно наступило в период между смертью и исключением из списков.

Распределение погибших офицеров по чинам:

Больше всего погибло младших офицеров (подпоручиков, корнетов, хорунжих). Это закономерно: они, как правило, находились на линии огня, а неопытность, юно-

шеский задор и стремление утвердиться в офицерской среде толкали их на более рискованные поступки.

Потери генералитета составили 7 человек: генерал-лейтенанты граф Ф.Э. Келлер и Р.И. Кондратенко, генерал-майоры Л.В. Мартсон, И.С. Рутковский, К.Т. Рябинкин, В.М. Тимофеев и В.В. Церпицкий, причем В.М. Тимофеев умер от ран, нанесенных русскими солдатами, когда (еще в чине полковника) во время отступления от г. Мукдена пытался остановить разграбление армейских складов.

ВОЗРАСТ

Возраст офицера действительной службы, как правило, коррелирует с его чином, однако служебная карьера может быть более или менее успешной, а кроме того, в русско-японской войне участвовало немало офицеров, возвращенных в действительную службу из запаса или отставки, то есть людей зрелых лет и невысоких чинов, поэтому диапазон возраста в определенном чине был весьма широким.

Возрастной диапазон в чине:

Чин	Возраст, лет
Прапорщик запаса	21–47
Подпоручик, корнет, хорунжий	19–39
Поручик, сотник	23–44
Штабс-капитан, штабс-ротмистр, подьесаул	24–46
Капитан, ротмистр, есаул	28–52
Подполковник, войсковой старшина	32–58
Полковник	34–57
Генерал-майор	44–45
Генерал-лейтенант	47–53

Обращают на себя внимание нижние пределы диапазонов возраста, выбивающиеся из обычного порядка чинопроизводства. Молодой человек, окончивший кадетский корпус в возрасте около 18 лет, учился два года в военном училище, производился в первый офицерский чин к 20 годам. Довольно часто, за хорошие успехи в учебе, старшинство в чине присваивалось со сдвигом на год назад, а при трехгодичном обучении в артиллерийских и инженерном училищах – и на два года назад. Офицер, окончивший юнкерское училище, как правило, получал первый чин в более старшем возрасте – он должен был поступить в военную службу вольноопределяющимся, некоторое время служить в полку, быть командированным в юнкерское училище, после двух лет обучения быть произведенным в подпрапорщики и лишь затем в офицеры. В следующий чин (поручика, сотника) офицер производился через 4 года, а в чин, эквивалентный штабс-капитану – еще через 4 года. Поэтому на-

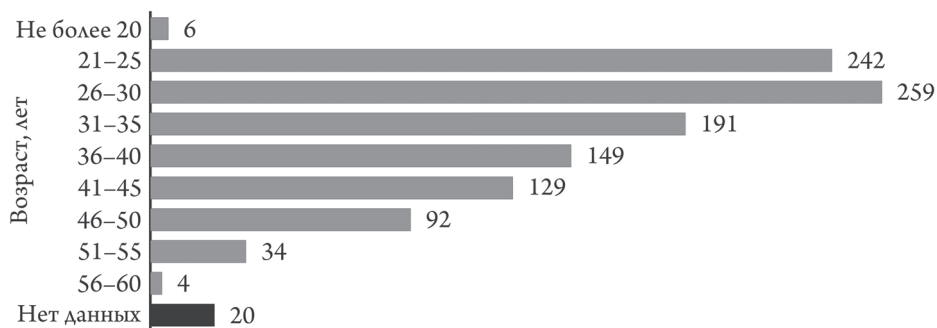

личие 24-летних штабс-капитанов, 28-летних капитанов и т.п. может вызывать удивление. Следует иметь в виду, что чины в лейб-гвардии считались выше одноименных армейских, и при переводе в армию гвардейский офицер переименовывался на чин выше. Служба в лейб-гвардии определила появление 24-летних штабс-капитана С.А. Шулькевича и штабс-ротмистров Л.П. графа Беннигсена и Н.М. Криштопенко. Другим путем быстрого чинопроизводства была учеба в академиях (Генерального штаба, инженерной, артиллерийской). Существовал порядок производства в следующий чин «за отличные успехи в науках». Именно таким путем прошли 28-летние капитаны Г.А. Ягодкин и Ю.-И.Ф. Окинчиц. Совокупность гвардейской службы и академического образования определила появление 32-летних подполковников Л.Р. фон Раабена, А.И. Ростовцева, 34-летнего полковника Б.В. Андреева (который последний чин получил за боевые отличия).

Вместе с тем, в армии существовали офицеры, долго остававшиеся в сравнительно невысоких чинах. Например, И.А. Трофимович семь лет служил в чине поручика, почти девять – штабс-капитана, одиннадцать – капитана и, хотя был 30 июля 1904 г. произведен в подполковники за боевые отличия, вероятно, не узнал об этом, поскольку умер от ран в осажденном Порт-Артуре, и хоронили его как капитана.

Средний возраст офицера, погибшего в русско-японской войне, составляет 33,4 года, преобладающий возраст – 26–30 лет. Самыми молодыми были 19-летние подпоручики: А.И. Уляновский, М.К. Снежков, А.С. Ильин, самыми пожилыми – 58-летний подполковник М.В. Косаговский и 57-летний полковник П.П. Побыванец.

Распределение погибших офицеров по возрасту:

Для 20 (2%) офицеров не удалось установить возраст. Среди них: 5 прапорщиков запаса, 14 подпоручиков и 1 сотник.

ПОТЕРИ ПО ПЕРИОДАМ ВОЙНЫ

Историю войны с Японией на сухопутном фронте Военно-историческая комиссия по описанию русско-японской войны делила на следующие периоды:

1. Начальный: от действий конного отряда генерал-майора П.И. Мищенко в Корее в феврале–марте 1904 г. до 10 июля 1904 г.

2. Ляоянский: от боя при ст. Ташичао (10–11 июля 1904 г.) до отступления русских войск от г. Ляояна к р. Шахэ (26 августа 1904 г.).

3. Шахэйский: от сосредоточения русских армий на позициях вдоль р. Шахэ (26 августа 1904 г.) до начала февраля 1905 г., причем в нем выделяются сражение при р. Шахэ (конец сентября – начало октября 1904 г.) и сражение при д. Сандепу в середине января 1905 г.; к этому же периоду относится набег конного отряда генерал-лейтенанта П.И. Мищенко к ст. Инкоу в конце декабря 1904 г. – начале января 1905 г.

4. Мукденский: с начала февраля до середины марта 1905 г. – отхода русской армии к Сыпингайским позициям.

5. Сыпингайский: с середины марта по 31 августа 1905 г. – заключения перемирия на Маньчжурском театре военных действий.

Отдельно рассматриваются изолированные районы боев:

6. Оборона Квантунского полуострова и Порт-Артура: от начала военных действий в ночь на 27 января 1904 г. до капитуляции крепости 20 декабря 1904 г.

7. Военные действия в Северной Корее: с середины 1904 г. до ратификации мирного договора между Россией и Японией 1 октября 1905 г. и вывода Корейского отряда в Россию.

8. Оборона о. Сахалин: июнь–июль 1905 г.

В соответствии в этой периодизацией, летальные потери офицерского состава русской армии можно представить в виде следующей диаграммы, в которой умершие от ран отнесены к тому периоду, когда они получили смертельное ранение, даже если смерть последовала позже.

Из диаграммы (см. след. стр.) видно, что потери офицерского корпуса росли по мере увеличения противоборствующих группировок. Летальные потери в Шахэйский период состоят из 255 офицеров, погибших в осенних боях на р. Шахэ, 7 офицеров, потерянных в рейде на ст. Инкоу и 73 – павших в январских боях при д. Сандепу. Наиболее кровопролитным стало сражение при Мукдене, унесшее жизни почти трети всех погибших в войне офицеров. После отхода русской армии к Сыпингайским позициям наступило сравнительное затишье, боевые столкновения ограничивались рейдами, разведками и нечастыми перестрелками. Восьмимесячная оборона Квантунского полуострова и крепости Порт-Артур унесла жизни 149 офицеров²⁹, что составляет 13,2% совокупных летальных офицерских потерь русской армии.

Сведения, представленные в справочнике, могут служить основой и для других выборок и распределений, например, по армейским корпусам и дивизиям и проч.

²⁹ Кроме того, на сухопутном фронте обороны Порт-Артура погибли 19 офицеров флота.

Распределение погибших офицеров по периодам войны:

Проделанная составителями справочника работа впервые позволила с максимально возможной полнотой выявить и персонифицировать сведения о боевых потерях офицерского корпуса русской армии в отдельном и достаточно крупном вооруженном конфликте начала XX в. и представить читателю подробную унифицированную биографическую информацию о каждом погибшем офицере.

Поиск и сопоставление информации из разных источников подобны складыванию мозаики из разрозненных кусочков. В процессе работы над справочником возникло много загадок, решить которые было возможно только при искренней заинтересованности и желании почтить память участников той далекой войны. К сожалению, иногда не удавалось ответить на все возникавшие вопросы. Составители справочника не могут утверждать, что перечисленные в нем персоны составляют исчерпывающий список офицеров, убитых, умерших от ран и пропавших без вести в войне с Японией, так как иногда в высочайших приказах об исключении допускались неточности: исключенные умершими или безвестно отсутствующими на самом деле могут оказаться умершими от ран или пропавшими без вести на войне. Составители будут рады откликам, замечаниям и дополнениям.

Подготовка биографического справочника осуществлена специалистами Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Разработка концепции и структуры издания осуществлены Д.К. Николаевым (ответственный составитель), С.А. Харитоновым, к.и.н. О.В. Чистяковым. Выявление документов и сведений по литературе, сравнительный анализ выявленных сведений, составление биографических справок проведены М.В. Абашиной, Н.Г. Захаровой,

Д.К. Николаевым, С.А. Харитоновым, О.В. Чистяковым при участии А.В. Березиной, к.и.н. Б.Б. Давыдова, Ю.В. Киреевой, А.В. Самбуровой. Сканирование выявленных фотодокументов выполнено Т.Ю. Бурмистровой и В.А. Акимовым. Общее редактирование основного текста осуществлено Д.К. Николаевым, М.В. Абашинной, О.В. Чистяковым при участии С.А. Харитонova. Рукопись издания обсуждена на заседаниях методической комиссии и научного совета РГВИА и рекомендована к публикации.

Хотим выразить глубокую благодарность коллегам, помогавшим в работе: С.Н. Бирюку (Псков), д.и.н. А.В. Ганину (Москва), к.и.н. М.В. Друзину (Санкт-Петербург), к.и.н. А.Ю. Емелину (Санкт-Петербург), В.И. Звягинцеву (Новый Петергоф), А.М. Кульчицкому (Москва), М.К. Макарову (Версаль, Франция), О.В. Морозову (Рига, Латвия), М.С. Нешкину, А.В. Трженсимеху (Санкт-Петербург), к.и.н. И.Н. Хохлову (Великий Новгород), А.В. Чернышову (Краснодар).

Сердечно признательны потомкам участников русско-японской войны и коллекционерам, предоставившим фотографии из личных архивов и коллекций: потомкам подполковника А.М. Веремева (Австралия), Юрию Витвинскому (Санкт-Петербург), Сергею Володарскому (Харьков, Украина), Алексею и Елене Григоренко (Москва), Олегу Грюкову (Пермь), потомкам и родственникам капитана М.А. Курковского и поручика М.И. Энковича (Новосибирск), Ольге Малиновской (Севастополь), Александру Садовскому (Ромны, Украина), Ирине Сергиевской (Москва), Николаю Цареву (Нижний Новгород).

Неоценимую помощь в работе оказали специалисты РГВИА: заместитель начальника отдела научно-справочного аппарата Д.Д. Иванов, заведующие архивохранилищами: И.А. Ганичев, В.О. Денисова, А.В. Ильичев, А.Д. Лазерсон, В.В. Тарасова, главные специалисты: Т.И. Ильичева, В.П. Пономарев, ведущие специалисты: А.В. Воронцова, А.Ю. Донской, Н.А. Орлова, Ф.А. Павлов.

Отдельную благодарность хотим выразить коллективу Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга за удобный сервис, предоставляющий дистанционный доступ к метрическим книгам церквей военного духовенства.

Д.К. Николаев

